

Видя с близкого расстояния усмешку на лице Ляо Ханя, Ли Инь отвернулся и фыркнул:

— Прошло пять часов, мои внешние раны почти затянулись.

Он выудил из пространственного мешочка комплект чистой одежды, бросил её Ляо Ханю и по привычке поднял обе руки, ожидая, что тот поможет ему одеться.

При виде таких барских замашек у Ляо Ханя возникло непреодолимое желание проучить его, но, подумав, что внутренние повреждения Ли Иня, скорее всего, ещё не прошли, он всё же подошёл. Раздевая Ли Иня, он убедился, что раны на плечах и руках действительно почти зажили, остались лишь едва заметные следы от кровавых корок.

Поправляя воротник на одежде Ли Иня, он не удержался и ущипнул мальчишку за слегка припухшую щеку, после чего как ни в чём не бывало убрал руку.

Снова подвергшись подобному обращению, Ли Инь подумал, не слишком ли он балует этого питомца. Однако, взглянув на искривленные в улыбке губы Ляо Ханя, он лишь недовольно предостерёг:

— Впредь не смей щипать меня за лицо!

Ляо Хань рассеянно хмыкнул и принялся вытирать волосы мальчишки.

Услышав столь быстрый ответ, Ли Инь вновь почувствовал странный дискомфорт и подчеркнул:

— И к другим приближаться не смей, особенно к тому синеволосому юнцу! Впредь на подобные сборища ходить запрещаю!

Ляо Ханя это позабавило: он понимал, что Ли Инь проявляет обычную детскую собственническую ревность. Но Ли Инь — не обычный ребёнок, а несносный мальчишка, чья боевая мощь в гневе зашкаливает. Поэтому он серьёзно посмотрел на него:

— А-Инь, ты ведь знаешь, что я очень слаб. Хотя мне и не по душе сегодняшние собрания, это хорошая тренировка.

Ли Инь нахмурил свои изящные брови и слегка надул губы:

— Знаю, что слаб! Сидел бы послушно во дворце, никакой опасности бы не было. Разве я, твой супруг, не смогу о тебе позаботиться?

У Ляо Ханя дёрнулся уголок рта. Он смягчил голос и прошептал:

— Если сидеть взаперти, кому угодно станет тошно. Я, как и ты, хочу стать сильнее. Если подобное повторится, я не хочу прятаться в пространстве, пока ты рискуешь жизнью в

одиночку.

Он говорил искренне, а его голос звучал мягко, словно перебор струн, отчего щёки Ли Иня невольно зарделись, а на душе стало необычайно приятно. И всё же, вспомнив, как Ляо Хань поддерживал того человека, он нахмурился и настоял на своём:

— Любую проблему я решу сам. Ты — мой Син-цзюнь, тебе достаточно просто каждый день ублажать меня. А если станет скучно, будет время — я сам возьму тебя погулять, разве этого недостаточно?

Да что ж такое! Ляо Ханю страшно хотелось хорошенько всыпать этому несносному мальчишке. Сжав кулаки, он с трудом сдержался и решил продолжить политику мягкого убеждения:

— У твоего старшего брата больше десятка Син-цзюней, и со временем их станет ещё больше. Каждый из них отчаянно совершенствуется. Знаешь почему?

Ли Инь нетерпеливо бросил:

— Откуда мне знать? Кунь-цзюни всё равно совершенствуются как попало, тебе не обязательно брать с них пример.

— ... — Ляо Хань наклонился, взял Ли Иня за плечи и, глядя прямо в глаза, серьёзно произнёс:
— Потому что у Цянь-цзюня может быть только один контрактник в пространстве. Поэтому каждый из них из кожи вон лезет, чтобы стать единственным. У твоего отца с Син-цзюнями то же самое. Ты понимаешь, о чём я?

Ли Инь смотрел в эти сияющие, словно звёздная пыль, глаза, находившиеся совсем рядом, и даже чувствовал тёплое дыхание собеседника. Его лицо пылало ещё сильнее. Опустив взгляд и обдумывая слова Ляо Ханя, он наконец просиял:

— О, так ты хочешь стать моим контрактником в будущем, поэтому и решил стать сильнее?

Он радовался всё больше, и уголки его губ невольно поползли вверх.

Ляо Хань судорожно кивнул. Чёрт возьми, да кому сдался этот контракт!

— Понятно, — Ли Инь бросил косой взгляд на Ляо Ханя. — У Ли Чэ больше десятка Син-цзюней, хм, у меня со временем будет ещё больше. А ты такой слабый, что любого другого найти — и тот будет лучше. Так что старайся изо всех сил! Но никаких физических контактов с другими. Даже с Кунь-цзюнями нельзя!

Глядя на то, как несносный мальчишка свысока раздаёт милости, Ляо Хань лишь оцепенело кивнул. Чёрт, как же хочется его ударить! Но, добившись своего, он всё же почувствовал облегчение, и на его лице невольно промелькнула улыбка.

В глазах Ли Иня это приобрело иной смысл. Он подумал: оказывается, этот питомец так мечтает стать моим контрактником...

В прекрасном расположении духа он оглядел промокшую одежду Ляо Ханя, выудил из мешочка простыню, неуклюже обернул её вокруг него и, стараясь сохранить суровое выражение лица, приказал:

— Сяо Син, сиди в пространстве, выйдешь только по возвращении во дворец.

Видя, как мальчишка внезапно исчез, Ляо Хань расслабленно сел и принялся вытирать мокрые волосы. Ну и несносный же ребёнок, просто напрашивается на взбучку!

Вспомнив свой тон, он невольно покрылся мурашками. С такими подростками, страдающими комплексом бога, действительно лучше действовать лаской.

Просидев у озера довольно долго, он вдруг почувствовал, как окружающий пейзаж изменился. От яркого света Ляо Хань инстинктивно зажмурился. Привыкнув к освещению, он понял, что находится в знакомых покоях, а на улице уже день.

Ли Инь искоса взглянул на него, достал из пространства яйцо Бифэна и протянул Ляо Ханю:

— Я же обещал, забирай. Вылупится — будет тебе ездовым зверем. Туши тех двух Бифэнов я позже отдам на кухню, в обед съешь, это очень полезно для здоровья, у тебя слишком плохие задатки!

Ляо Хань помедлил:

— А как же твой Байсяо?

Ли Инь безразлично ответил:

— Сдох. Пятиранговый зверь оказался бесполезен, надо найти кого-то помощнее.

Ляо Хань нахмурился. Ли Инь говорил, что приручил того Байсяо в восемь лет, тот сопровождал его несколько лет, а теперь, когда зверь погиб, этот мальчишка не проявил ни капли грусти...

Он вновь убедился: этот ребёнок от природы холоден и равнодушен.

Ли Инь, не заметив его реакции, посмотрел на простыню, в которую был завернут Ляо Хань, и буркнул:

— Переоденься поскорее. И запомни: волосы больше не стриги, раньше было лучше. Вечером жду тебя к ужину.

Ляо Хань не знал, чем этот мелкий занят с утра до ночи, и, взглянув на его всё ещё бледные губы, нерешительно спросил:

— Твои раны ещё не зажили?

Увидев заботу, Ли Инь второпях проглотил первоклассную таблетку для лечения внутренних повреждений. Сдержать улыбку он уже не мог: его глаза засияли.

— Всё в порядке, я ушёл!

Глядя на Ли Иня, улыбающегося словно маленький ангел, Ляо Хань замер. У этого мальчишки слишком обманчивая внешность! Наверное, поэтому он вызывает одновременно и любовь, и ненависть.

Проводив его, Ляо Хань опустил взгляд на белое яйцо Бифэна. Он осторожно поднял его к свету и смутно разглядел очертания сформировавшегося птенца.

Хотя совесть его немного мучила из-за того, как досталось это яйцо, он всё же решил высидеть его. С его слабым происхождением наличие такого высокорангового летающего магического зверя — большая удача.

Он знал, что птицы высиживают яйца долго, и мать не должна покидать гнездо. Как же быть? Не сидеть же ему, взрослому мужчине, с яйцом в обнимку?

К тому же Ляо Хань переживал за Вэнь Шаосюаня, оставленного в лесу после ранения. Переодевшись, он позвал Лин Юй, чтобы расспросить её. Но хотя служанки и были мастерицами на все руки, они знали не всё, и Ляо Ханю оставалось лишь дожидаться следующего дня, чтобы разузнать всё в павильоне Чжаофэн, о котором упоминал Вэнь Шаосюань.

Ляо Хань спросил Лин Юй и об яйце. Та ответила:

— Син-цзюнь может отнести его в Сад Сотни Зверей, там содержатся сотни видов магических зверей, они помогут. Но если вы хотите его приручить, рабыня советует высидеть его самостоятельно.

Ляо Хань кивнул. Поместье, куда он ездил с Ли Инем, скорее всего, и было Садам Сотни Зверей. Он смутно помнил из учебника биологии об эффекте импринтинга: птенец принимает за мать того, кого увидит первым. Совет Лин Юй был весьма разумным.

Весь день Ляо Хань хлопотал с яйцом. В кабинете были книги о магических зверях с описанием их внешности и свойств, но о высиживании птиц там не говорилось. Ехать в Сад Сотни Зверей — слишком долго. А Ли Инь... с его барскими замашками ясно, что яйца он не высиживал.

Ляо Хань нахмурился, размышляя, и вдруг его осенило.

На вчерашнем собрании он общался с другими наложниками. Помнил одного парня в абрикосово-жёлтых одеждах, который казался довольно солнечным и упоминал, что, как и второй господин, любит разводить магических зверей. Ляо Хань припомнил, что его звали Чэнь, и он был одним из Син-цзюней Ли Чэ. В будущем, когда он начнёт обучение в павильоне Чжаофэн, ему всё равно придётся общаться с этими людьми, так что сейчас самое время наладить связи.

Узнав у Лин Юй, что жилище Син-цзюня Чэня недалеко — на «Руфэне» добраться можно за четверть часа, — Ляо Хань тщательно выбрал подарок и с двумя слугами отправился в путь.

В этом мире сыновья главы города, в отличие от земных принцев, не переезжали из дворца после совершеннолетия, а получали в нём свои покои. Возможно, из-за обилия наложников дворец Ли Чэ был намного больше, чем у Ли Иня, и Син-цзюнь Чэнь жил в самом крайнем павильоне.

Прибыв на место и передав весть, Ляо Хань вскоре дождался, пока Чэнь выйдет встречать его лично.

Большинство Кунь-цзюней в этом мире не пользовались косметикой и выглядели как обычные мужчины, так что Ляо Хань постарался игнорировать странные титулы и общаться естественно.

Син-цзюнь Чэнь сказал:

— Вчера на собрании слышал, что брат Чжи и младший господин Вэнь попали в беду. Хорошо, что теперь всё позади.

Ляо Хань поспешно спросил:

— А не знает ли Син-цзюнь, что стало с Вэнь Шаосюанем?

Чэнь улыбнулся:

— Сегодня утром слышал, что он в порядке, вероятно, уже дома.

Ляо Хань с облегчением выдохнул и воспользовался случаем, чтобы спросить совета о высиживании яйца Бифэна:

— В кабинете второго господина я не нашёл нужных книг, поэтому пришёл просить совета у вас.

Глава 17

Услышав вопрос Ляо Ханя, Син-цзюнь Чэнь сделал странное лицо и усмехнулся:

— Второму брату хоть он и мал, но уже умеет проявлять заботу, раз так рискнул ради тебя, добыв это яйцо Бифэна.

Ляо Хань замер, натянуто улыбнулся и мысленно выругал себя за неосторожность. Он совсем забыл: если бы у Ли Иня было много других Син-цзюней, такой ценный подарок мог бы спровоцировать внутреннюю борьбу!

Чэнь велел слуге принести сосуд для высиживания и подробно объяснил все меры предосторожности. Его отношение стало ещё более дружелюбным. Поняв, что время позднее, Ляо Хань поблагодарил его и распрощался.

Чэнь не стал его задерживать и проводил до выхода. Как только они собирались попрощаться, в поле зрения появился молодой человек верхом на высокоранговом магическом звере в сопровождении свиты.

Увидев, как все вокруг поспешно склонились в поклоне, Ляо Хань понял: это, должно быть, старший брат Ли Иня — Ли Чэ. Он тоже поклонился, но, подняв голову и разглядев его лицо, невольно изумился: тот был совсем не похож на образ альфа-самца, который он себе представлял.

У Ли Чэ были такие же серебристые волосы, как у Ли Иня, но глаза — цвета небесной лазури. Несмотря на юность, его холодные, мужественные черты лица излучали зрелую властность, а при приближении от него исходило сильное давление.

Ляо Хань сразу представил десяток мужчин, стоящих у него за спиной, особенно того двухметрового качка с буграми мышц. Его лицо едва не дрогнуло.

Этот странный мир... лучше не задумываться глубоко.

Ли Чэ не обратил на людей внимания, лишь слегка кивнул и спрыгнул со зверя. Слуга тут же подхватил поводья. Син-цзюнь Чэнь с момента появления Ли Чэ стал предельно почтительным, а сейчас, улыбнувшись Ляо Ханю, последовал за Ли Чэ внутрь.

Ляо Хань задумчиво ехал обратно. Обычно мальчишки боготворят отцов и братьев, но Ли Инь почти никогда не упоминал своего брата. Обернувшись на Лин Юй, он всё же решил промолчать.

Вернувшись, он поместил яйцо в сосуд, как учил Чэнь, и поставил у изголовья кровати, чтобы птенец привыкал к его ауре.

Ли Инь обещал вернуться к ужину, но пришёл лишь глубокой ночью. Ляо Хань, сидя за столом, почти заснул. Мальчишка был голоден, и Ляо Хань, сонно протирая глаза, составил ему компанию, а после хлопот по дому наконец лёг спать.

Уже в постели Ли Инь, полный энергии, с улыбкой набросился на Ляо Ханя и утащил его в пространство.

Видя недоумение на лице Ляо Ханя, Ли Инь пояснил:

— Мои внутренние раны не зажили, ближайшие три дня буду лечиться в духовном источнике.

— ...Тогда зачем ты притащил меня с собой? — недоумевал Ляо Хань.

В этом нелепом мире, если Цянь-цзюнь раз за разом тащит Кунь-цзюня в своё пространство, это верный признак ухаживаний! Конечно, Ли Инь этого не понимал.

Ли Инь заявил с полной уверенностью:

— Вода слишком холодная, ты должен обнимать меня, чтобы мне было тепло!

— ... — Ляо Хань лишился дара речи. Ну почему этот мальчишка такой проблемный? Но раз уж в этой воде так легко впитывать духовную энергию, он безропотно обнял Ли Иня, и они медленно погрузились в воду, словно два утопленника.

Ли Инь положил голову на плечо Ляо Ханя, крепко обхватив его за талию, и довольно улыбался.

На следующий день, собираясь в павильон Чжаофэн, Ляо Хань надел тренировочный костюм, а волосы собрал в высокий хвост, отчего стал выглядеть гораздо бодрее. Ли Инь вдруг проявил редкую заботу: бросил Ляо Ханю новенький пространственный мешочек и сумку для зверя, сказав с показным равнодушием:

— Вижу, у тебя нет. Возьми, так удобнее. И не забудь вернуться вовремя.

Ляо Хань почувствовал, как сердце дрогнуло при виде румянца на бледных щеках Ли Иня. Ему нестерпимо захотелось ущипнуть его, но, вспомнив предупреждение, он лишь похлопал его по макушке:

— Спасибо, А-Инь, мне очень нравится.

Ли Инь недовольно покосился на него, но ругаться не стал, только покраснел ещё сильнее и, бросив «я пошёл», убежал. Ляо Хань невольно усмехнулся: несмотря на властный и переменчивый характер, иногда этот мальчишка был довольно мил.

Мешочек оказался размером с небольшую комнату, сумка для зверя — изысканной и дорогой. Он бережно уложил туда яйцо Бифэна с прибором для высиживания, а в мешочек — энергетические камни. В одночасье почувствовал себя богачом.

Павильон Чжаофэн был огромен: тренировочные площадки, мастерские по созданию артефактов, хранилища, кабинеты. Здесь занималось около сотни Кунь-цзюней, а также дети до двенадцати лет с неопределённым полом.

Ляо Хань, помня советы Вэнь Шаосюаня, первым делом нашёл распорядителя, чтобы измерить свою энергетическую стихию. Результат предсказуем: металл. Хотя реакция элементов была слабой, это всё же считалось неплохой способностью.

Половина Кунь-цзюней с этой стихией учились создавать артефакты, так как лучше других чувствовали энергетические камни.

Вспомнив, как раньше сам пытался мастерить ножи и мечи, Ляо Хань без колебаний записался на этот курс. Создание артефактов требовало огромных ментальных усилий, и ему предстояло многому научиться.

Больше всего Ляо Ханю нравилось, что здесь можно было забыть о нудных церемониях и не называть всех «Син-цзюнями». Можно было взять учебное имя, которым все и пользовались. Взяв кисть, он старательно вывел два иероглифа: Ляо Хань.

Он выдохнул с облегчением, и на лице появилась улыбка. С момента перемещения в этот мир сегодня был самый спокойный день.

Зная, что у этого тела нет базы для совершенствования, он отправился в «Бамбуковую рощу», где обучали основам ментальной и энергетической работы. Увидев ровную лужайку, усеянную маленькими мальчиками, чинно сидящими на подушках, он невольно дёрнул щекой.

Под любопытными взглядами разноцветных глаз он чувствовал огромное давление. Ситуация напоминала взрослого неграмотного, который пришёл учиться в начальную школу.

Когда-то он сам был учителем в отряде одарённых подростков, а теперь — ученик... Придётся приложить вдвойне больше усилий, чтобы поскорее догнать сверстников Вэнь Шаосюаня.

Ляо Хань сел в углу и стал ждать учителя.

Десятилетний мальчишка с пухлыми щеками, сидевший рядом, с любопытством подпрыгнул к нему:

— Ты новенький Кунь-цзюнь? Меня зовут Сюй Гуань, а тебя?

Другие дети тоже окружили его:

— Сколько тебе лет?

— Ты такой большой, почему учишься вместе с нами?

Ляо Хань почувствовал, как на лбу запульсировала жилка. Справиться с одним несносным мальчишкой было трудно, а тут целая орава! Но в этом мире, кто знает, может, эти карапузы знают гораздо больше него.

Белоснежная фигура мелькнула на верхушках бамбука, и, взмахнув рукавами, словно огромная белая птица, учитель приземлился перед ними. Дети тут же смолкли и выпрямили спины.

Ляо Хань тоже поспешно уселся по-турецки.

Но когда он разглядел лицо учителя, в голове будто раздался гул.

Да вы издеваетесь! В этом мире даже несовершеннолетние могут преподавать?!

У пришедшего было красивое, словно из нефрита, лицо и острые золотистые глаза. Высокая, слегка худощавая фигура — это был тот самый юноша, который использовал его как приманку для ящера.

Глава 18

Ляо Хань не испытывал к этому холодному юноше никаких симпатий, и первой реакцией было желание встать и уйти, но он всё же заставил себя остаться. Здесь учились отпрыски знати, вряд ли они наняли бы некомпетентного учителя.

Золотые глаза юноши медленно скользнули по ученикам. Встретившись взглядом с Ляо Ханем, он не выказал ни малейшего удивления, увидев взрослого ученика. Ляо Хань подумал, что тот его не узнал: ведь тогда он был в грязи и выглядел как оборванец.

Юноша не стал тратить время на лишние слова и сразу перешёл к делу. Его речь не была захватывающей, тон оставался монотонным, но объяснял он всё предельно ясно.

<http://bllate.org/book/24639/2898310>